

Н.Н. ЗАРУБИНА

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О ДЕНЬГАХ И ФИНАНСАХ В СМЕХОВОМ ДИСКУРСЕ РАЗНЫХ ЛЕТ

ЗАРУБИНА Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Москва, Россия (n-zarubina@yandex.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются повседневные представления россиян о деньгах и финансах, складывавшиеся на протяжении XX–XXI вв. Источником послужили 95 анекдотов, интернет-мемов, демотиваторов разных лет, отобранных на основании упоминания о деньгах и финансах, которые были классифицированы по историческим периодам и по трем тематическим блокам: 1) передающие общие представления о деньгах и их месте в жизни человека и общества; 2) отражающие реакцию на финансовую политику государства; 3) фиксирующие актуальные финансовые практики и представляющие рекомендации по их оптимизации. Повседневный спонтанный смеховой дискурс рассматривается как форма контрсуггестии и сопротивления мифологизации социальной реальности. Подтверждается предположение о том, что в советский период смеховой дискурс утверждал значимость денег и монетарный универсализм, а в постсоветский период распространения рыночного мифа монетарного универсализма – значимость немонетарных ценностей и отношений. Выполняя дифференцирующую функцию, юмор противопоставляет смеющихся и объект насмешки, снижает напряженность и страх. В смеховом дискурсе финансовых практик выявляются акторы, воспринимаемые как источник угрозы благополучию. Смеховой дискурс как форма повседневного знания здравого смысла предлагает «рецепты» оптимизации финансовых практик в условиях нестабильности рынка и государственной политики.

Ключевые слова: повседневность • повседневное знание • смеховой дискурс • деньги • финансовые практики

DOI: 10.31857/5013216250007100-3

Постановка проблемы и методология исследования. В последние десятилетия финансовое поведение россиян стало объектом внимания социологов и психологов [Гагарина, 2018; Козырева, 2012; Радаев, 2002; Стребков, 2004; Хромов, 2008]. Во многих странах считается неприличным говорить о деньгах, люди стараются уклониться от ответов на прямые вопросы о финансовом положении и финансовых практиках. В нашей стране в советский период не было большой разницы в доходах, так же как и разнообразия их источников, тем не менее многие предпочитали свои финансовые проблемы не обсуждать. В постсоветский период денежные дела окончательно перешли в область нежелательных тем разговора, однако люди заменяли и заменяют их анекдотами, шутками, обменом интернет-мемами, которые передают личные проблемы как общие, характерные и типичные для определенного социального круга. Судить о том, как мы относимся к деньгам, реагируем на финансовую политику государства, оцениваем свое финансовое положение, позволяет достаточно обширный и доступный исследователю пласт повседневного денежно-финансового смехового дискурса – анекдоты и шутки, а с распространением социальных сетей – демотиваторы и интернет-мемы. Они отражают как массовые представления о деньгах, так и проблемы формирования массовых финансовых стратегий в меняющихся политических и экономических условиях; их анализ дает ключ к пониманию ожиданий и тревог россиян в условиях экономического кризиса и финансовых трудностей, о которых могут не говорить прямо. Данная статья, написанная в жанре научной публицистики, является попыткой такого анализа.

Анекдоты – признанный, хотя и не слишком распространенный объект социологического анализа, позволяющий выявлять типичное эмоциональное восприятие общественных реалий массовым сознанием [Дмитриев, 1996; Бутенко, 1997; Зарубина, 2006; Зубанова, 2012; Барсукова, 2018]. Они – часть повседневного смехового дискурса, под которым мы понимаем, в духе М. Фуко, практики обсуждения и их структуры (субъект и объект, исходные мировоззренческие и познавательные предпосылки обсуждения, стилистика, вырабатываемые установки), общим смыслом которых является юмористическое отношение к явлениям и событиям повседневной жизни, и представляющие, в стиле юмористического иносказания, рекомендации по допустимым поведенческим стратегиям в конкретной области – в нашем случае, отношении к деньгам и финансам. Такие практики возможны на основе единства социального опыта их коллективного субъекта – схождения форм деятельности и взаимодействий, институциональных и символических контекстов, и, главное, общности эмоционального отношения к ним. Помимо шуток и анекдотов в традиционном понимании, в повседневный смеховой дискурс входят получившие распространение благодаря Интернету демотиваторы и мемы, совмещающие вербальные и визуальные языки.

Обращение к анализу повседневного смехового дискурса соответствует тенденции «поворота повседневности» – различные аспекты жизни людей, которые раньше рассматривались как незначимые по сравнению с экономическими, политическими, институциональными сферами, становятся предметом внимания социологов [Штомпка, 2009; Кравченко, 2010]. «Поворотам» в социологии сопутствует появление новых, неклассических объектов эмпирических исследований и расширение предметных областей в соответствии с постановкой новых проблем, а также спектра применяемых методов [Кравченко, 2014].

Специфика анекдотов и спонтанного юмора как объекта социологического исследования заключается в том, что они дают не непосредственное и объективное представление о социальных реалиях, а их отражение в обыденном сознании, а также массовые оценки, по которым можно судить о типичном социальном самочувствии в тот или иной период. Это обусловлено социальными функциями спонтанного остроумия. В повседневной жизни оно является механизмом контрсуггестии [Дмитриев, 2018: 60–62], т.е. самозащиты от духовного и идеологического насилия, служит разоблачению мифов, которые представляют «серьезную» сторону социокультурного бытия. Развенчание «серьезных» идеологических, политических, экономических мифов создает условия для ухода от дискомфортных ситуаций, для изменений, инноваций, в конечном счете, коррекции институтов и норм. Поэтому, отмечает А.С. Ахиезер, серьезность и смех существуют как дуальная оппозиция, как противоположные социальные тренды, в то же время дополняющие друг друга [Ахиезер, 1991: 341].

Смех является «отрицанием посредством утверждения и одновременно утверждением посредством отрицания» [Ахиезер, 1991: 341]. Так, буржуазный миф монетарного универсализма утверждает безусловную легитимность «всевластия денег» как оптимального, «естественного» порядка вещей [Барт, 2000: 276; Зарубина, 2007]. Ему противостоял советский миф коммунистического «безденежного» общества как гуманистического идеала, который, впрочем, так и не был воплощен в жизнь. Можно выдвинуть и проверить в данном исследовании предположение о том, что в советский период смеховой дискурс разоблачал коммунистический миф, утверждая значимость денег в повседневной жизни людей, а в постсоветский период, когда в 1990-х гг. в качестве культурной нормы утвердился миф монетарного универсализма, стал утверждать наличие ценностей, которые не измеряются деньгами.

Смех помогает человеку выявить собственную активную роль в противостоянии внешнему миру, преодолеть беспомощность перед ним благодаря тому, что высмеивание позволяет обозначить противостоящие стороны в условиях конфликта, определить свое место в противоречивых отношениях с различными акторами, участвующими в денежных отношениях. В анекдотах и шутках о деньгах выявляются основные угрозы финансовому благополучию, которые «снижаются» при помощи насмешек, а также предлагаются схемы действий по защите своего достояния.

Эмпирической базой настоящего исследования послужили 95 анекдотов разных периодов, шуток, демотиваторов, интернет-мемов, отобранных на основании упоминания денег, финансовых институтов и практик. Источником стала как собственная коллекция автора, так и ряд изданий и интернет-ресурсов, публикующих анекдоты (HumorNet.ru; anekdotovstreet.com) и демотиваторы, а также интернет-мемы из социальных сетей (Facebook, «ВКонтакте»). Важный источник – работа М. Мельниченко, посвященная анализу советских анекдотов [Мельниченко, 2014]. Основу анализируемого массива (75%) составили анекдоты; демотиваторы, получившие популярность в российском сегменте Интернета в 2000-х гг., представляют собой изображение определенного формата и краткую подпись в форме утверждения, высмеивающего популярные мотивационные слоганы и, в более широком плане, распространенные ценности-мотиваторы. В выборке они характеризуют отношение к реформам 1990-х и к экономическому оптимизму «жирных» 2000-х. Интернет-мемы в обыденном смысле – это выраженные в изображениях и кратких высказываниях эмоции, получающие быстрое распространение в сети благодаря тому, что соответствуют массовым чувствам и настроениям. В массиве они отражают отношение к актуальным финансовым практикам, в частности, к сбережениям и инвестированию. При этом отсеивались шутки, являвшиеся продуктом целенаправленного изобретения профессиональных юмористов, т.е. представленные в популярных юмористических шоу или юмористических текстах, имеющие конкретного автора и исполнителя.

Выбранные единицы анализа классифицированы по трем тематическим блокам: 1) об общих представлениях о деньгах и их месте в жизни человека и общества; 2) о реакции на финансовую политику государства, взаимодействие с финансовыми институтами; 3) об актуальных финансовых практиках, включая рекомендации по их оптимизации. Все блоки представляют смеховой дискурс XX–XXI вв., выбранные тексты разделены по историческим периодам: 1) советский, 2) реформы 1990-х, 3) современный (2000–2010-е гг.). Автор не ставил перед собой задачи количественного анализа собранного массива, цель – его дискурсивный анализ.

Массовые представления о месте денег в советском и постсоветском обществах.

В дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв. быстро развивался капитализм, однако не успел окончательно сформироваться миф *монетарного универсализма* – представление о деньгах как универсальном «метаязыке», на котором можно описать не только экономические, но и прочие социальные реалии [Зарубина, 2007]. С приходом советской власти начал утверждаться миф свободного от денежного обращения коммунистического общества. Сложившаяся финансовая система была полностью разрушена, затем воплощение немонетарного идеала было отложено до «окончательной победы коммунизма», а финансовую систему государства пришлось создавать заново и на новых основаниях. В итоге в советский период место денег в обществе было ограничено: доступ ко многим благам обеспечивался за счет аскриптивных статусов, принадлежности к коллективам и организациям, наличия связей, а не денег: «При капитализме всё берет золотом, а при социализме – блатом». Таким образом, деньги не выполняли функции эмансипации, которую Г. Зиммель обозначил как возможность «существовать отношениям между людьми, лично их не затрагивая» [Simmel, 1978: 303]. Но все же «бесплатные» социальные блага для советских граждан, лишенных статусов и связей, при помощи денег становились доступнее и качественнее. Поэтому в повседневном смеховом дискурсе множество афоризмов «подтверждая, отрицают» смысл известной пословицы «не в деньгах счастье»: «Счастье не в деньгах, а в их количестве»; «Деньги не приносят счастья, но хотя бы позволяют с удовольствием предаваться печали» и т.п.

В антибуржуазной публицистике XIX–XX вв. получила распространение мифологема «денег-зла», отождествляющая их с разложением, распадом, отчуждением подлинных человеческих отношений, а накопленные состояния – с преступлениями. В советский период эта мифологема была включена в коммунистическую идеологию. Однако на уровне повседневности было очевидно, что зло – это не деньги, а безденежье, так как оно

лишает человека доступа к элементарным благам: «Деньги – зло. Придешь в магазин, прямо зла не хватает!», и вынуждает влачить недостойное, унижительное существование: «Большие деньги портят человека, а маленькие просто уродуют». Это подтверждает наше предположение о том, что советский смеховой дискурс отрицал идеологемы «безденежного общества» и утверждал монетарный универсализм.

В постсоветский период деньги открыли доступ к благам и достижению любых целей, минуя социальные статусы и отношения. Теперь приобрести многие труднодоступные для советского человека блага стало возможно не через закрытые распределители, профсоюзы, принадлежность к организациям, а просто заплатив за них. Соответственно, деньгам очень быстро вернулось их описанное еще Г. Зиммелем [Simmel, 1978: 211, 220, 232] свойство «переворачивать телеологическую цепочку», т.е. подменять собой все значимые цели, доступные с их помощью: «...раньше хотелось сыра, водки, колбасы, а теперь только денег, денег, денег...».

Однако весьма быстро стало очевидным, что возможность доступа к благам не тождественна их реальной доступности: «Когда-то у меня не было денег даже на велосипед, а теперь уже денег нет на виллу и яхту». Более того, деньги приобрели свойство, описанное К. Марксом, – отчуждать от человека не только возможности, но и желания [Маркс, 2000: 296]. Поскольку деньги стали универсальным средством достижения всех целей, то само естественное свойство человека чего-то хотеть и к чему-то стремиться отчуждается в деньги, необходимые для получения желаемого: «"Куда поедем отдыхать?" – "Судя по деньгам, мы совсем не устали!"».

В период трансформаций 1990-х гг. агрессивное внедрение рыночных институтов в неподготовленное для этого общество породило изменения в восприятии денег. Миф монетарного универсализма из сферы разоблачения советских идеологем, открытия идеологической завесы над подлинными смыслами социального бытия перешел в область общепринятого, серьезного способа ориентации в мире: «Деньги не играют роли, они пишут сценарий». И сам тут же превратился в объект отрицания и высмеивания, поскольку стала очевидной ограниченность «всевластия» денег: «Если проблему можно решить за деньги, то это не проблема, а расходы»¹.

Смеховой дискурс свидетельствует о том, что представления россиян о деньгах остаются на уровне их повседневного практического использования и не выходят на уровни нравственного и духовного дискурса. Не удалось выявить контекстов, в которых деньги получали бы культурную, моральную или религиозную оценку. Не встречается и свидетельств об их сакрализации, приписывании им экзистенциальных, смысложизненных функций, подобно американскому варианту мифа монетарного универсализма в формулировках Б. Франклина «пустой мешок прямо стоять не будет» или «человек, достойный кредита», как эталон добродетели [Зарубина, 2007]. Кроме того, не выявлено какой-либо социокультурной специфики представлений россиян о деньгах, отсылок к ценностным образцам, характерным для отечественной культуры.

Восприятие финансовой политики государства в анекдотах и шутках разных лет. Правила функционирования денег задаются государством и формируют проблему адаптации людей к его финансовой политике, т.е. предпринимаемым им целенаправленным действиям по консолидации и использованию финансовых ресурсов для решения экономических, политических, социальных задач, включая денежно-кредитную, валютную, налоговую политику. В шутках и анекдотах на эту тему проявляется дифференцирующая функция смехового дискурса – происходит разделение и противопоставление объекта и субъекта насмешки, обозначаются интересы сторон, снижается напряжение, тревога, страх [Дмитриев, 1996]. В советский период основными сюжетами анекдотов были

¹ Данное высказывание обычно представляется как «еврейская мудрость». Следует отметить, что повседневный смеховой дискурс денег и финансовых практик включает этнические и гендерные аспекты, которые могут стать предметом отдельного исследования.

денежные реформы разных лет, обращение иностранной валюты, государственные займы, в период нэпа – налоговая политика [Мельниченко, 2014: 526–536]. В целом можно констатировать, что смеховой дискурс советского периода противопоставлял рядового гражданина, озабоченного выживанием и сохранением своих ресурсов, государству с его конфискационной политикой. Поэтому финансовая политика государства как фактор угрозы снижается и высмеивается: советские анекдоты объясняли причины финансовых проблем природой экономической системы – «курс червонца основан на “Капитале” Маркса». В 1960–1970-х годах, в условиях милитаризированной экономики и военного присутствия СССР в Восточной Европе и других регионах мира, говорили: «“В чем разница между долларом и рублем?” – “Доллар обеспечен золотом, а рубль – танками”» [Мельниченко, 2014: 526, 529]. Иностранная валюта представляется советским людям гораздо надежнее, чем рубли. Однако в советский период действовал запрет на обращение валюты и драгоценных металлов и принимались весьма жесткие меры по предотвращению их свободного хождения: «“Сколько можно получить за доллар?” – “От одного месяца до шести лет”».

Особой темой анекдотов были денежные реформы, неизменно вызывавшие потери сбережений простых граждан вследствие явного или латентного конфискационного характера. Наиболее травматичными оказались реформы 1990-х гг., приведшие к обнулению сбережений: «У большинства россиян круглый счет в банке – 0». Тогда невыплаты зарплат и рост цен поставили многих на грань выживания. Демотиваторы, посвященные реформам, обыгрывают высказывание Е.Т. Гайдара: «В стране идут радикальные преобразования, с деньгами сложно, а уход из жизни людей, не способных противостоять этим преобразованиям, – дело естественное»².

В контекстах противостояния индивида и государства интересно отражение в смеховом дискурсе разных периодов восприятия налоговой политики и практик налогообложения. Налоговая политика советского государства изначально была направлена как на экономические цели – консолидацию ресурсов, так и на решение социально-политических задач – подавление имущих классов, что выражалось в конфискационных «чрезвычайных революционных налогах». В период нэпа предполагалось прогрессивное налогообложение состоятельных граждан и предпринимателей, ставки были запутанными, а сумма налога оказывалась результатом произвола финансовых инспекторов, ставших героями многочисленных анекдотов тех лет и олицетворявших жестокую, безличную и безымянную силу [Мельниченко, 2014: 531–532].

В постсоветский период тема налогов снова стала популярна в смеховом дискурсе. Она представлена несколькими сюжетами, раскрывающими проблемы и причины недовольства различных групп населения. Для предпринимателей, а также обладателей земли, квартир и другой недвижимости и т.п. налоги представляются слишком высокими, их честная и полная уплата разорительна и деструктивна для налогоплательщика. Анекдоты перетолковывают известный мотивационный слоган «заплати налоги и спи спокойно»: «Заплати налоги и спи спокойно. Воры уже не придут»; «Последние отчеты сдал, все налоги заплатил, а заснуть не могу – голод не дает...».

Главное – не сам по себе размер платежей, а их восприятие как несправедливых. Введение прогрессивной шкалы налогообложения и налога на роскошь пока остается на уровне обсуждений, в обществе закрепилось представление о том, что основную тяжесть налогового бремени несут малоимущие: «Налоги подтверждают, что деньги проще всего получить с бедных. А то, что у бедных денег мало, компенсирует то, что бедных много». Именно они оплачивают знаменитую на весь мир демонстративную роскошь российских олигархов: «“Я бы с радостью платил налог на роскошь!” – “Так ты его и платишь, только не за свою роскошь...”». Налоговая политика государства, таким образом, воспринимается как проводимая в интересах небольшой прослойки богатых и сверхбогатых, в то время как для основной массы законопослушных граждан уплата налогов становится бессмысленной

² URL: https://d.backbook.me/file/2018/05/13/2a/full_d54917db0c.jpg (дата обращения: 7.04.2019).

тратой и без того скудных ресурсов, которая никак не приведет к улучшению их жизни: «Не люблю платить налоги. Я точно знаю, что эти деньги я потратил бы с гораздо большей пользой для налогоплательщика. И этого налогоплательщика я тоже знаю». Отчуждение от государства, переходящее в нежелание выполнять гражданский долг, обосновывается невыполнением государством обязанностей по отношению к гражданам.

Как видим, смеховой дискурс не только советского, но и постсоветского периода определяет в качестве основной угрозы финансовому благополучию именно политику государства. Как в советский, так и в постсоветский период она формирует опыт недоверия его финансовым инициативам и стимулирует обращение к теневым практикам, которые не рассматриваются как аморальные. Этот вывод близок к результатам анализа анекдотов о теневой экономике, полученным С.Ю. Барсуковой [Барсукова, 2018: 116, 120, 122].

Актуальные финансовые практики россиян в повседневном смеховом дискурсе.

Под финансовыми практиками понимается совокупность действий людей по использованию денег в контекстах формальных и неформальных правил, привычек, традиций, обычаев в повседневной жизни. В основе повседневного финансового поведения лежат не только рациональные расчеты, но и установки, сформированные историческими обстоятельствами и накопленным опытом.

Цель массовых повседневных финансовых практик не в сверхдоходах, а в обретении стабильности: «Счастье не в деньгах, а в отсутствии инфляции». Согласно сюжетам анекдотов, основная установка россиян в отношении денег – их недостаток: «Если деньги мерить кучками, то у меня ямка». Ощущение недостатка денег никак не связано с фактическим размером доходов, их всегда хочется иметь больше. Основная причина недостатка денег, определяемая смеховым дискурсом, – явная недооценка труда: «Жизнь грустная, зато зарплата смешная». По данным ФОМ, в марте 2016 г. 65% респондентов заявили, что размер их зарплаты не соответствует объему и сложности выполняемой работы³. Соответственно, зарплата еще может служить источником средств для выживания, но никогда – для процветания и, тем более, обогащения: «Вы никогда не заработаете деньги, если вы все еще думаете, что их зарабатывают».

Предпринимательский доход стал темой цикла анекдотов 1990-х гг. о бизнесе и «новых русских» [Зарубина, 2006]. Тогда он трактовался в анекдотах как результат преступных махинаций, а не инициативы, изобретательности, профессионализма: «“На какие деньги мы пьем?” – “Мост через реку видишь?” – “Нет!” – “Вот на эти и пьем!”». По мере адаптации к новым социальным группам, институтам, видам деятельности, анекдоты о «новых русских», как и само это понятие, практически исчезли из повседневной смеховой культуры. В современном смеховом дискурсе предпринимательский доход как значимый источник денег практически отсутствует, скорее, наоборот, их темой являются проблемы бизнеса: «“Вы пришли на рынок всего шесть месяцев назад, и у вас уже миллион. Как вы этого добились?” – “Я начал с двух миллионов...”» В отличие от анекдотов 1990-х гг., теперь акцентируется не преступный характер предпринимательского дохода, а напротив, коррупционная составляющая среды, в которой приходится работать бизнесмену: «Пять лет трудился мелким предпринимателем. На мне неплохо заработали пожарники, санэпидемстанция, менты, районные чиновники и чиновники из мэрии, налоговой и таможенники. Один я почему-то ничего не заработал». Следует отметить, что теперь предпринимателю противостоит не абстрактное государство и чиновники, действующие в его интересах, подобно «фининспектору» советских анекдотов, а мелкие коррупционеры, преследующие корыстные цели, от которых государство не защищает своих граждан.

Восполнение нехватки денег происходит за счет как интенсификации труда, на что далеко не все готовы [Козырева, 2012: 62–63], так и заемно-долговой активности. В советский период преобладали неинституциональные заимствования, т.е. одалживание денег у

³Удовлетворенность зарплатой. Довольны ли люди своей зарплатой? Опасаются ли ее снижения? URL: <https://fom.ru/Ekonomika/12588> (дата обращения: 7.04.2016).

друзей, родственников, знакомых. С развитием банковского сектора в 1990–2000-х гг. получило распространение институциональное кредитование. Принципиальное различие между ними в том, что внеинституциональные заемно-долговые отношения всегда персонифицированы, носят личный характер и регулируются этическими принципами ответственности, а институциональные займы (если не рассматривать коррупционную составляющую) основаны на формальных отношениях, регулируемых правом, и требуют хотя бы минимальной финансово-юридической компетентности заемщика [Гагарина, 2018].

В советский период долги были одной из распространенных тем анекдотов, которые подчеркивали моральные проблемы, связанные с дискомфортом для обеих сторон, поскольку должник испытывает чувство вины, а кредитор – недоверия и страха потери: «Жена спрашивает мужа: “Ты почему не спишь?” – “Соседу денег должен, а отдать не могу”. Жена стучит в стену: “Мы тебе не можем вернуть долг!” Говорит мужу: “Спи, теперь он пускай мучается!”»⁴.

Еще в 1990-х – начале 2000-х гг. исследователи считали, что высокий уровень развития межличностных отношений и возможности неинституциональных заимствований является одним из факторов, препятствующих развитию системы кредитования [Стребков, 2004: 53–54]. Теперь по уровню распространения институционального кредитования россияне несколько отстают от стран с исторически развитыми финансовыми рынками и сформировавшимися стереотипами общества массового потребления. Однако в последние годы институциональные заимствования превысили объем привычных неинституциональных долгов⁵. Этому способствует и постепенное ослабление межличностных связей: «Нет ТАКОГО друга, которому можно было бы одолжить тысячу долларов».

В настоящее время рынки кредитов, в первую очередь потребительских и ипотечных, быстро растут. В 2018 г. аналитики отметили преобладание заемно-долговых стратегий над сберегательными на фоне падения доходов населения [Хромов, 2018], т.е. недостаток средств активно восполняется кредитами, по которым, однако, придется платить. Проблемы институциональных долгов находят отражение и в повседневном смеховом дискурсе. Но если в случае неинституциональных долгов главной проблемой является межличностное доверие, то для институциональных заимствований это условия сделки, а именно: высокие проценты по кредитам. По данным аналитиков, каждый пятый россиянин, имеющий кредиты, тратит на их погашение более 30% семейных доходов (см. сноску 5). Получается, что взятый для компенсации недостатка средств заем становится причиной не только снижения потребительских возможностей, но и возникновения обязательств, которые не всегда реально выполнить: «У меня были проблемы, и я взял кредит. Оказалось, что раньше у меня не было проблем...».

Исследователи видят в качестве одной из причин проблем с возвратом кредитов низкую финансовую грамотность населения (см. сноску 5). Смеховой дискурс, однако, акцентирует желание банков ввести в заблуждение должника: «Российские ученые с помощью электронного микроскопа прочитали условия кредитного договора»; «Есть только два вида кредитных мошенников: те, которые не отдадут кредиты, и те, которые их дают». Поэтому в смеховом дискурсе уклонение от возврата кредита приветствуется как проявление смекалки: «Не бойся брать кредит. Если знаешь, как его не вернуть», хотя, по данным ФОМ, в сентябре 2018 г. лишь 14% респондентов считают невозврат кредита прощательным⁶. Характерно, что невозврат частного долга, связанный с нарушением этики неформальных, личных отношений, нигде не рекомендуется смеховым дискурсом в качестве приемлемой стратегии поведения.

⁴ Обычно этот советский анекдот представляется как «еврейский».

⁵ Корконосова Е. Долговое поведение россиян // Банки и деловой мир. URL: <https://bdm.ru/publicacii/dolgovoe-povedenie-rossiyan> (дата обращения: 25.01.2019).

⁶ Кредиты. Упрощают или усложняют жизнь кредиты? Можно ли кредиты не возвращать? 2018 // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14110> (дата обращения: 18.09.2018).

Наиболее укорененные в России финансовые стратегии – сбережение и потребление. Однако распространение сбережения в настоящее время падает, что объясняется недостаточностью средств, которые можно было бы отложить при существующих доходах: «“У вас есть возможность откладывать деньги?” – “Возможность есть, денег нет”». В 2018 г. 62% россиян вообще не имели сбережений, а их доля составила всего 5,6% доходов, что является минимумом за последние десять лет⁷. Самыми распространенными формами сбережений остаются банковские депозиты и домашние наличные деньги. В социальных сетях много демотиваторов и мемов, обыгрывающих омоформию «деньги в банке» – в Сбербанке, либо, в зависимости от размеров сбережений, в *трехлитровой или майонезной банке*, в зависимости от валюты – в *металлической или деревянной банке*⁸.

Самой популярной финансовой стратегией россиян является потребление, по данным экспертов РАНХиГС, на него уходит 77% доходов⁹. Объяснением этого факта в смеховом дискурсе является недостаточность средств для других стратегий: «“Вы деньги держите в рублях или в валюте?” – “В еде: получил зарплату, купил еды, и все!”». Но даже при наличии денег многие предпочитают их не откладывать, а тратить, чтобы защитить таким образом от инфляции и непредсказуемости экономической ситуации: «Если бы у меня были деньги, то их бы не было». Десять лет назад сторонники трат и сбережений в кризисных условиях составляли 36,3 и 32,6% респондентов соответственно [Козырева, 2012: 56–57], сейчас сокращение доходов приводит к росту трат относительно возможности откладывать.

Ориентация на потребление обосновывается представлением о подвижности, динамизме денег: «Деньги – самое текучее твердое вещество». Однако эта подвижность интерпретируется через мифологические, фольклорные образы потока воды, который не должен «застаиваться» в кубышке или на банковском депозите: «Деньги надо тратить! Если их не тратить, они решат, что не нужны, обидятся и уйдут». Инвестирование как финансовая стратегия пока мало распространено, хотя, как видно из смехового дискурса, представление о способности денег к умножению, о том, что «деньги должны работать», вовсе не чуждо современным россиянам. Однако можно отметить, что оно распространено среди пользователей Интернета, поскольку обыгрывается именно в демотиваторах и мемах-рисунках, изображающих монеты и купюры, занятые физическим трудом¹⁰, а не в устном дискурсе – анекдотах. Представляется, что остающиеся от потребления денежные средства большинства россиян недостаточны, чтобы «работать» в серьезных инвестиционных проектах: «Деньги должны работать, но мои почему-то ленятся».

Впрочем, не только это препятствует распространению инвестиционных стратегий среди россиян. Большую роль сыграли неосведомленность о работе и недоступность финансовых инструментов [Козырева, 2012: 66], а также негативный опыт, в том числе финансовых пирамид, бурно строившихся и рушившихся в 1990-е гг. при явном попустительстве государства, которое и само в то время не брезговало подобными методами: «Разыскивается Мавроди для проведения консультаций с Черномырдиным относительно реструктуризации рынка ГКО».

Наиболее известным символом желания недавних выходцев из советской системы обогатиться на простом «размножении» денег стала созданная С. Мавроди в 1994 г. финансовая пирамида «МММ». Ее рост и быстрое закономерное крушение, повлекшее банкротство, по разным данным, от двух до десяти миллионов вкладчиков, было одним из самых серьезных уроков «инвестиционной грамотности» для любителей финансовых игр:

⁷ URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fura.news%2Fnews%2F1052355410&d=1> (дата обращения: 7.04.2019).

⁸ URL: https://i.ytimg.com/vi/NH24s_UY-A/maxresdefault.jpg; <https://selcdn.fedsp.com/ye/26913/Копилка%20Money--83p.jpg> (дата обращения: 7.04.2019).

⁹ URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fura.news%2Fnews%2F1052355410&d=1> (дата обращения: 7.04.2019).

¹⁰ URL: http://2.bp.blogspot.com/-BPtm5QmFFH4/UcCk5X2ENfI/AAAAAAAAAGM/6Tcv_OZxpuc/s1600/деньги+должны+работать.jpg (дата обращения: 7.04.2019).

«Мавроди и его апологеты имеют неоценимое значение для эволюции прямоходящих приматов». В смеховом дискурсе финансовых пирамид к их вкладчикам нет сочувствия. Они воспринимаются скорее как неудачливые игроки – соучастники хитрых и корыстных бизнесменов, нежели как жертвы обмана: «Ничто так не обогащает умного человека, как глупые люди!» Этот вывод согласуется с результатами, полученными группой социологов в 1990-х гг. [Радаев, 2002].

Следует отметить, что в попытке возрождения «МММ» в 2011 г. россияне увидели тревожные знаки возможного возврата к практикам «лихих девяностых» («девяностые не ушли, они затаились»), квинтэссенцией которых было не только шальное обогащение немногих, но и изъятие сбережений и доходов большинства граждан: «После оглушительного успеха в России второго “МММ” правительство решило, что страна готова и ко второй приватизации». Некоторые терминологические ассоциации, подмеченные в смеховом дискурсе, призывают россиян к бдительности: «Мавроди тоже называл “МММ” “инновационным проектом”». Можно предположить, что опыт финансовых пирамид сформировал у россиян негативное отношение к стратегиям, основанным на доверии к другим участникам финансовых рынков или к государству.

Основные выводы. Анализ повседневного смехового дискурса денег и финансов свидетельствует о том, что россияне, как в советский период, так и сегодня, относятся к ним прагматично и активно. В современной России получил распространение и признание буржуазный миф монетарного универсализма, но подтвердилось предположение о том, что в общественном сознании присутствует представление о существовании некоего измерения бытия, на уровне которого деньги бессильны и бессмысленны. При этом россияне с удовольствием расстались с характерным для советской идеологии принижением роли денег во имя идеалов. Возможно поэтому в смеховом дискурсе отсутствуют контексты соотношения денег с культурными, моральными, духовными и т.п. ценностями, т.е. их восприятие полностью остается в рамках повседневной практичности. Массовые финансовые практики как в советский период, так и теперь ориентированы не на обогащение, а на поддержание достойного существования. Они формируются в условиях недостаточности средств и недоверия к финансовым институтам и политике, ставшего результатом опыта нескольких поколений и формирующего толерантность к оппортунистическим и теневым практикам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. III. М.: ФО СССР, 1991.
- Барсукова С.Ю. Анекдоты о неформальной экономике: смешно о серьезном // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 113–123.
- Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
- Бутенко И.А. Юмор как предмет социологии? // Социологические исследования. 1997. № 5. С. 135–140.
- Гагарина М.А. Чувство долга и долговое поведение россиян с различным уровнем финансовой грамотности // Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 3(11). С. 179–198.
- Дмитриев А.В. Социология юмора. Очерки. М.: ИС РАН, 1996.
- Дмитриев А.В. Суггестия и контрсуггестия: Pro et Contra // Социологическая мозаика – 2018: монография. М.: КРОНУС, 2018. С. 11–74.
- Зарубина Н.Н. Смеховая культура как фактор толерантности к новым социальным группам в российском обществе // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 155–166.
- Зарубина Н.Н. Мифология денег в российском обществе // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 39–48.
- Зубанова Л.Б. Русский национальный характер в юмористической самопрезентации (социологический анализ анекдотов) // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 78–87.
- Кравченко С.А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 14–25.
- Кравченко С.А. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 27–37.
- Козырева П.М. Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ) // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 54–66.

- Маркс К. Власть денег в буржуазном обществе // Маркс К. Социология. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
- Мельниченко М. Советский анекдоты. Указатель сюжетов. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Радаев В.В. Уроки «финансовых пирамид», или Что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении // Мир России. 2002. № 2. С. 39–69.
- Стребков Д. Потребности и предпочтения населения России на рынке кредитных услуг // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 53–54.
- Хромов К.А. Мотивы и модели поведения населения на финансовых рынках: взгляд с позиций модернизационных теорий // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М.: РОССПЭН, 2008. С. 238–254.
- Хромов М. Домашние хозяйства переходят к кредитной модели потребления // Мониторинг экономической ситуации в России. 2018. № 13(74). С. 14–15.
- Штопка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3–13.
- Simmel G. The Philosophy of Money. London: Routledge and Kegan Paul, 1978.

Статья поступила: 15.05.19. Финальная версия: 15.07.19. Принята к публикации: 15.08.19.

RUSSIANS' EVERYDAY PERCEPTIONS OF MONEY AND FINANCE IN LAUGHTER DISCOURSE THROUGH DIFFERENT YEARS

ZARUBINA N.N.

Moscow State Institute of International Relations (University) of MFA of Russia, Russia

Natal'ja N. ZARUBINA, Dr. Sci. (Philos.). Prof., Prof. of the Department of Sociology, Moscow State Institute of International Relations (University) of MFA of Russia, Moscow, Russia (n.zarubina@inno.mgimo.ru).

Abstract. The article examines everyday ideas of Russians about money and finance that emerged in different periods of XX–XXI centuries. The sources include 95 anecdotes, Internet mems, demotivators of different years, selected on the basis of their references to money and finance, classified into three thematic blocks: 1) general ideas about money and their place in one's life and society; 2) reaction to state financial policy; 3) current financial practices and recommendations for their optimization. Everyday spontaneous laughter discourse is seen as a form of countersuppression and resistance to mythologizations of social reality. An assumption is confirmed that in the Soviet period the laughter discourse had asserted significance of money and monetary universalism. In the post-Soviet period of the spreading market myth of monetary universalism it asserting importance of non-monetary values and relations. Performing a differentiating function, humor opposes laughing people and the object of ridicule, reduces tension and fear. In the laughter discourse of financial practices there can be determined actors that are perceived as a source of threat to well-being. Laughter discourse as a form of everyday common sense knowledge offers «recipes» for optimizing financial practices in conditions of market instability and public policy.

Keywords: everyday life, everyday knowledge, laughter discourse, money, financial institutions, financial practices.

REFERENCES

- Akhiezer A.S. (1991) *Russia: a Critique of Historical Experience*. T. III. Moscow: FO SSSR. (In Russ.)
- Barsukova S.Y. (2018) Jokes on the Informal Economy: Funny or Serious. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 113–123. (In Russ.)
- Bart R. (2000) *Mythology*. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh. (In Russ.)
- Butenko I.A. (1997) Humor as a Subject of Sociology? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 135–140. (In Russ.)
- Dmitriev A.V. (1996) *Sociology of Humor*. Essays. Moscow: IS RAN (In Russ.)
- Dmitriev A.V. (2018) Suggestions and Contrasures: Pro et Contra. In: *Sociological Mosaic – 2018*: monograph. Moscow: KRONUS: 11–74 (In Russ.)
- Gagarin M.A. (2018) Sense of Debt and Debt Behavior of Russians with Different Levels of Financial Literacy. *Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya* [Social and Economic Psychology]. Vol. 3. No. 3(11): 179–198. (In Russ.)

- Kravchenko S.A. (2010) Dynamics of Modern Social Realities: Innovative Approaches. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 14–25. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2014) Rediscovery of Social Reality as an Indicator of the Validity of Sociological Knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 27–37. (In Russ.)
- Khromov K.A. (2008) Motives and Behaviors of the Population in Financial Markets: a View from the Standpoint of Modernization Theories. In: *Traditions and Innovations in Modern Russia. Sociological Analysis of Interaction and Dynamics*. Moscow: ROSSPEN: 238–254. (In Russ.)
- Khromov M. (2019) Households Are Moving to a Credit Model of Behavior. In: *Monitoring the Economic Situation in Russia*. No. 13(74): 14–15. (In Russ.)
- Kozyreva P.M. (2012) Financial Behavior in the Context of the Socio-Economic Adaptation of the Population (Sociological Analysis). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 54–66. (In Russ.)
- Marx K. (2000) The Power of Money in Bourgeois Society. In: Marx K. *Sociology*. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Melnichenko M. (2014) *Soviet Anecdote. Index of Plots*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2002) Lessons from 'Financial Pyramids', or What Economic Sociology Can Say about Mass Financial Behavior. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 2: 39–69. (In Russ.)
- Simmel G. (1978) *The Philosophy of Money*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Strebkov D. (2004) Needs and Preferences of the Population of Russia in the Market of Credit Services. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 53–54. (In Russ.)
- Sztompka P. (2009) The Focus of Attention is on Everyday Life. New Turn in Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–13. (In Russ.)
- Zarubina N.N. 2006. Laughter Culture as a Factor of Tolerance for New Social Groups in Russian Society. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity]. No. 5: 155–166. (In Russ.)
- Zarubina N.N. 2007. The Mythology of Money in Russian Society. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity]. No. 4: 39–48. (In Russ.)
- Zubanova L.B. 2012. Russian National Character in Humorous Self-presentation (Sociological Analysis of Anecdotes). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 78–87. (In Russ.)

Received: 15.05.19. Final version: 15.07.19. Accepted: 15.08.19.